

гія житейскія потребности, Левисонъ могъ бы жить безбѣдно, даже съ удобствами. Но онъ былъ и еврей, и нѣмецъ: какъ еврей сдѣлался преподавателемъ еврейскаго языка; какъ же ему, какъ нѣмцу, не получать никакого жалованья? И вотъ, при преемникѣ Доброхотова, ему поручили преподаваніе нѣмецкаго языка. И онъ самъ, и патроны его проповѣдывали, что подъ руководствомъ нѣмца-наставника студенты научатся нѣмецкому не только книжному, но и разговорному языку. Само собою разумѣется, что за новый предметъ дали Левисону и новое жалованье въ 429 р. въ годъ за два урока въ недѣлю. Приложивши эту сумму къ прежнимъ 858 р. увидимъ, что ново-крещенный еврей-нѣмецъ за четыре урока въ недѣлю получалъ ежегодное жалованье въ 1287 р. при казенной квартирѣ и готовомъ отопленіи. Можно было жить!

Опредѣленіе Левисона ординарнымъ профессоромъ въ духовную академію не прошло незамѣченнымъ въ Петербургѣ. Патроны новаго профессора сулили, какъ говорится, золотыя горы отъ него. «Даже одинъ слухъ объ обращеніи великаго раввина въ православіе произведетъ-де громадное вліяніе на евреевъ въ Россіи. Что же будетъ, когда онъ, хорошенько изучивъ православіе въ духовной академіи, отправится миссіонеромъ въ наши западныя губерніи? Многочисленные тамъ евреи, разумѣется, послушавъ его, поспѣшатъ обратиться въ православіе». Бывшее незадолго до того общее присоединеніе уніатовъ къ православной церкви было еще въ свѣжей памяти; мечтали, что и съ евреями нѣчто подобное можетъ случиться. Съ другой стороны люди, хорошо понимавшіе дѣло, недовѣрчиво улыбались, слушая эти фантазіи, а иные даже очень невѣжливо выражались. Мнѣ вполнѣ извѣстенъ отзывъ, который сдѣлалъ о Левисонѣ почетный гражданинъ и знаменитый тогда фабрикантъ клеенчатыхъ издѣлій Иванъ Кузьмичъ Чурсиновъ. Онъ принадлежалъ къ единовѣрческой церкви и потому интересовался дѣлами по духовному вѣдомству. Определеніе Левисона профессоромъ духовной академіи до такой степени занимало и удивляло его, что онъ нарочно прѣхалъ къ знакомому съ нимъ одному изъ академическихъ профессоровъ.

— Правда ли, — спросилъ его Иванъ Кузьмичъ, — что къ вамъ опредѣленъ профессоромъ *жидъ*?

— А что-жъ такое, Иванъ Кузьмичъ? — отвѣчалъ профессоръ. Чему вы тутъ удивляетесь?

— Да какъ же не удивляться? *Жидъ* — профессоръ въ ду-